На правах рукописи

Шпак Алёна Алексеевна

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОВЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Омск – 2026

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии юридического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Научный руководитель: **Бибик Олег Николаевич,**
профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Номоконов Виталий Анатольевич,**
профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», доктор юридических наук, профессор

Майоров Андрей Владимирович,
профессор кафедры уголовного права имени М. И. Ковалева ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», доктор юридических наук, доцент

Ведущая организация: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского»**

Защита состоится «17» декабря 2026 года в 15:00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.100.02, созданного на базе ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» по адресу: 644099, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, ауд. 904, зал заседаний ученого совета юридического факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», научной библиотеке ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», на сайте ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»: https://omsu.ru/about/structure/science/ont/dissovet/d-99-2-100-02.php; на сайте ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»: https://www.ugrasu.ru/university/science/dissertation-council/attestation-cases/d-99-2-100-02/shpak-a-a/.

Автореферат разослан «____» октября 2026 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент Н.Ю. Акинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха характеризуется глубинными социокультурными трансформациями, обусловленными цифровой революцией. Средства массовой информации, выступая на протяжении десятилетий ключевым институтом формирования общественного мнения и социального управления, в начале XXI в. претерпели кардинальные изменения. На смену традиционной, однонаправленной (от производителя контента к аудитории) модели коммуникации пришла гибридная (традиционные средства массовой информации и сетевая коммуникация) медиасреда, в которой доминирующую роль играют новые медиа – цифровые платформы, мессенджеры, стриминговые сервисы и др.

В условиях развязанной против Российской Федерации информационной войны, включая ее эскалацию в период специальной военной операции (СВО), цифровые платформы перестали быть нейтральными посредниками, превратившись в арену идеологического противоборства. Криминогенный потенциал новых медиа в значительной степени детерминирован идеологией современного капитализма, которая в цифровой среде приобрела гипертрофированные формы. Данная модель, основанная на максимизации прибыли и коммодификации (превращении в товар) всех сфер человеческой жизни, в условиях новых медиа видоизменилась: алгоритмические модели платформ создают прямую финансовую мотивацию для производства деструктивного и криминального контента. Указанная закономерность порождает противоречивую ситуацию, когда отдельные субъекты медиапространства, движимые корыстными мотивами, объективно становятся проводниками деструктивного влияния, подрывающего традиционные российские духовно-нравственные ценности и общественную безопасность.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2024 г. доля населения России в возрасте от 15 лет и старше, использующего интернет, достигла 92,5 %, при этом 84,6 % пользователей выходят в сеть ежедневно[1]. Указанные тенденции свидетельствуют о проникновении цифровых технологий в повседневную жизнь, что создает условия для трансформации криминогенных факторов, связанных с распространением информации в новых медиа.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в качестве угроз национальной безопасности выделяется «наращивание информационного воздействия на население Российской Федерации, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2]. Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивает: «Все, что происходит в интернете, должно подчиняться общим юридическим и моральным правилам»[3]. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин также акцентирует внимание на криминогенной роли новых медиа, отмечая, что Интернет, телевидение и социальные сети стали таким источником воспитания, который культивирует насилие, равнодушие к проблемам сверстников, безнравственность. В погоне за прибылью и славой блогеры создают видеоматериалы издевательств над людьми, совершают сомнительные поступки, нередко противоправные, их посты просматривают миллионы подростков, которые могут последовать дурному примеру. Социальные сети и мессенджеры стали главным оружием

[1] *Федеральная* служба государственной статистики. Итоги выборочного наблюдения использования информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей населением в 2024 году. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt24/index.html (дата обращения: 10.02.2025).

[2] *Об утверждении* Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 10.02.2025).

[3] *В. В. Путин* о деструктивном контенте в соцсетях // Парламентская газета. 2021. 23 дек. URL: https://www.pnp.ru/social/putin-o-destruktivnom-kontente-v-socsetyakh-dlya-it-kompaniy-glavnoe-pribyl.html?ysclid=mp2fsl8fun752853498 (дата обращения: 10.05.2025).

вербовщиков, а анонимные Telegram-каналы, закрытые группы и чаты по интересам давно стали распространителями деструктивного контента[4].

Указанные выше изменения привели к парадоксальному результату: инструменты, изначально расширяющие возможности доступа к информации и самовыражения, одновременно стали источником качественно новых системных угроз правопорядку и общественной безопасности. Криминогенность новых медиа встроена в технологические и экономические основы, воплощаясь в устойчивых бизнес-моделях, где противоправное действие становится товаром, монетизируемым в реальном времени. Цифровые платформы, в особенности социальная сеть Telegram, эволюционировали в криминальные экосистемы платформенного типа, обеспечивающие полный цикл противоправной деятельности – от вербовки до монетизации.

Степень разработанности темы исследования. Теоретические основы анализа исследования заложены в трудах Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, О. Н. Бибика, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, Ю. В. Грачёвой, А. И. Долговой, С. М. Иншакова, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, М. П. Клеймёнова, С. В. Маликова, И. М. Мацкевича, А. В. Майорова, В. А. Номоконова, В. С. Овчинского, Е. Н. Рахмановой, В. Т. Томина, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова, П. С. Яни и др.

Криминологический анализ влияния средств массовой информации на правосознание и криминализацию общественных отношений рассмотрен в работах В. В. Боровиковой, Н. Ф. Бодрова, А. Г. Горшенкова, Ю. Н. Климовой, Ф. К. Рябыкина, Г. И. Узембаевой, С. А. Шоткинова, Е. М. Юцковой, Г. М. Яроша и др. Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей раскрыто в трудах Э. С.-М. Ахъядова, А. Н. Берестового, М. А. Ефремовой, Н. В. Летёлкина, А. В. Макиенко, А. Г. Хлебушкина, А. А. Шутовой и др.

Отдельные аспекты криминогенности средств массовой информации исследовались в диссертационных работах Ю. И. Гололобовой (Москва, 2002) «Средства массовой информации и преступность: криминологический аспект», А. А. Токаревым (Москва, 2012) «Роль средств массовой информации в предупреждении преступности», П. С. Булатецким (Москва, 2013) «Влияние средств массовой информации на насильственную преступность: криминологический аспект», Е. С. Осиповой (Москва, 2014) «Средства массовой информации в системе предупреждения преступности», А. С. Ильницким (Краснодар, 2022) «Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет», А. И. Антиповым (Санкт-Петербург, 2022) «Уголовно-правовое значение использования средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений с признаками призывов, склонения, незаконного оборота предметов и материалов», Е. В. Зотиной (Казань, 2024) «Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии: криминологическое исследование», Н. А. Ильиных (Омск, 2025) «Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий».

Положительно оценивая результаты указанных исследований, в которых заложены основы для понимания общих закономерностей взаимосвязи медиасреды и преступности, следует отметить, что они выполнены на материале традиционных СМИ и не в полной мере охватывают феномен криминогенности новых медиа. Данное обстоятельство во многом обусловлено стремительной трансформацией самих медиа: если ранее СМИ рассматривались в качестве пассивного канала распространения информации или

[4] *Интервью* Председателя СК России информационному агентству ТАСС // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/12495107 (дата обращения: 24.07.2026) ; *Интервью* Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Следственный комитет РФ. URL: https://sledcom.ru/search?q=Интервью+Председателя+СК+России+ информационному+агентству+ ТАСС (дата обращения: 24.07.2026).

инструмента совершения отдельных преступлений, то современные цифровые платформы представляют собой активную среду, детерминирующую новые формы преступного поведения. В частности, требуют изучения механизмы, посредством которых технологические свойства и экономические модели новых медиа трансформируются в устойчивые криминогенные факторы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере производства, распространения и потребления массовой информации в условиях цифровой трансформации, и связанные с ними криминогенные процессы.

Предметом исследования являются закономерности криминогенного воздействия средств массовой информации на преступность, криминологическая характеристика новых медиа как фактора преступности, а также система мер криминолого-правового предупреждения данного воздействия.

Цель исследования состоит в проведении комплексного анализа криминогенности новых средств массовой информации в условиях цифровой трансформации и разработке на его основе теоретически обоснованной и практически ориентированной системы предупреждения криминогенного воздействия новых средств массовой информации.

Для достижения обозначенной цели в процессе исследования решены следующие **задачи:**

1. Раскрыты понятие, функции и типология средств массовой информации в условиях цифровой трансформации медиасреды, определено понятие новых средств массовой информации (медиа).
2. Систематизированы научные знания о криминологических аспектах влияния средств массовой информации на преступность.
3. Сформулировано понятие, выявлены особенности и построена классификация видов криминогенного воздействия новых медиа.
4. Проанализированы основные криминогенные механизмы новых медиа, включая пропаганду, дезинформацию и манипуляцию.
5. Исследован криминогенный потенциал новых медиа на примере платформы Telegram как одного из наиболее востребованных современных средств массовой информации, обладающего значительным криминогенным потенциалом.
6. Проведен криминологический анализ треш-стриминга и деструктивного блогинга как устойчивых криминогенных бизнес-моделей.
7. Предложен комплекс общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения криминогенного воздействия новых медиа.
8. Обоснованы предложения по совершенствованию уголовного законодательства в целях противодействия криминогенному воздействию новых медиа.

Методология и методы исследования. Методология проведенного исследования основана на диалектическом методе познания, который позволил осуществить анализ криминогенности новых медиа во взаимосвязи с современными тенденциями развития информационного общества. Закон перехода количества в качество дал возможность понять, как накопление негативных эффектов от отдельных криминогенных публикаций и интерактивных практик (треш-стримов, дезинформации) приводит к качественному изменению криминологической ситуации, формированию устойчивых криминальных экосистем платформенного типа.

Методы анализа, синтеза, индукции и дедукции использованы при сборе, обобщении и интерпретации результатов научных исследований по избранной теме, уточнении понятийно-категориального аппарата (криминогенное воздействие новых медиа, гибридная криминальная экосистема), а также при формулировке итоговых выводов и предложений по совершенствованию законодательства. Сравнительно-правовой метод применен при анализе зарубежного опыта противодействия деструктивному контенту в цифровой среде.

Формально-юридический метод использован при анализе действующих уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, в которых новые медиа

играют важную роль, что позволило выявить пробелы в правовом регулировании и обосновать предложения по дополнению Уголовного кодекса Российской Федерации новыми составами преступлений.

Социологические методы реализованы в виде анкетирования и контент-анализа. Анкетирование применено при изучении структуры медиапотребления, уровня доверия к новым медиа и оценки респондентами их криминогенного влияния. Контент-анализ использован для выявления количественных и качественных характеристик криминального контента в региональных интернет-СМИ и Telegram-каналах, а также для идентификации криминогенных элементов в освещении резонансного преступления.

Теоретическую основу исследования составляют научные идеи, изложенные в трудах Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, О. Н. Бибика, Я. И. Гилинского, Г. Н. Горшенкова, Ю. В. Грачёвой, А. И. Долговой, С. М. Иншакова, М. П. Клеймёнова, А. И. Коробеева, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой, С. В. Маликова, И. М. Мацкевича, А. В. Майорова, В. А. Номоконова, В. С. Овчинского, Е. Н. Рахмановой, В. Т. Томина, Д. А. Шестакова, В. Е. Эминова, П. С. Яни и других специалистов в области уголовного права и криминологии.

Правовая основа исследования включает Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность средств массовой информации и порядок распространения информации в информационно-телекоммуникационных сетях.

Эмпирическая база исследования представлена результатами статистических данных Федеральной службы государственной статистики о доле населения Российской Федерации, использующего сеть «Интернет», за 2024 г.; статистических данных МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации и Омской области за 2023–2026 гг.; материалами судебной практики – изучено 96 судебных актов по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием новых медиа; социологического опроса (анкетирования), проведенного в 2024 г. в электронном формате с использованием платформы Google Forms (n = 217); результатами количественного и качественного контент-анализа региональных интернет-СМИ г. Омска; результатами контент-анализа публикаций в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах; результатами качественного контент-анализа освещения резонансного преступления в 7 крупных Telegram-каналах (78 публикаций).

Научная новизна исследования заключается в обосновании повышенной криминогенности новых медиа, которая детерминирована технологическими свойствами и основанными на них экономическими моделями прямой монетизации криминальных девиаций. Эффективное предупреждение данного воздействия возможно лишь при условии реализации комплексной стратегии, одновременно воздействующей на спрос (через формирование цифрового иммунитета аудитории) и на предложение (через подрыв финансовых основ и модернизацию правового инструментария), а также предусматривающей совершенствование деятельности самих новых медиа, ее идеологических основ.

Свое непосредственное выражение научная новизна находит в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Под новыми средствами массовой информации (медиа) для целей криминологических исследований следует понимать цифровые платформы и сервисы (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, стриминговые платформы), функционирующие в интерактивном режиме, обеспечивающие двустороннюю коммуникацию между производителем контента и потребителем, которые характеризуются быстрым распространением информации.

2. В структуре криминологического знания выделяется специальная область – криминология средств массовой информации, предметное поле которой включает исследование закономерностей взаимосвязи медиасреды, криминалитета и преступности. Преступность в сфере массовой информации не ограничивается двумя традиционными группами (преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, и, преступления, направленные против средств массовой информации), а дополняется гибридной группой, где медиа выступают одновременно средой, инструментом и объектом криминогенного воздействия. Средства массовой информации в детерминации преступности занимают двойственное положение, их криминогенное воздействие находит выражение как на макроуровне (общие причины преступности), так и на микроуровне (причины конкретных преступлений). Основные криминогенные механизмы: культивация искаженной картины мира, оправдание и романтизация девиантного поведения, эффект подражания. Сложившиеся в науке подходы не в полной мере учитывают специфику новых медиа, трансформирующих традиционные механизмы криминогенного воздействия.

3. Криминогенное воздействие новых медиа – это обусловленное их технологическими свойствами распространение информации, создающее условия для формирования мотивации к совершению преступлений, облегчения их совершения и усвоения криминальной субкультуры. Данное воздействие выступает в качестве условия, способствующего преступности. Криминогенное воздействие новых медиа обладает тремя ключевыми особенностями: массовостью (глобальный охват аудитории), латентностью и алгоритмичностью (погружение в деструктивный контент). Указанное воздействие можно классифицировать на три вида: ценностно-нормативный (эрозия социальных норм), поведенческо-имитационный (стимулирование противоправных действий через подражание) и информационно-манипулятивный (искажение информационного поля).

4. Криминогенные механизмы новых медиа (пропаганда, дезинформация, манипуляция) образуют целостную эскалационную систему. Пропаганда закрепляет и легитимирует девиантные ценностные установки, дезинформация выступает прямым провокационным катализатором противоправных действий, манипуляция создает когнитивную основу для некритического восприятия. Романтизация криминала представляет собой комплексный механизм, интегрирующий пропаганду, дезинформацию и манипуляцию для оправдания преступного поведения. Криминогенный эффект достигается не только через прямое эмоциональное воздействие, но и через рутинное воспроизводство криминальных событий либо их ретроспективную подачу.

5. Telegram как одно из наиболее востребованных новых медиа представляет собой гибридную криминальную среду платформенного типа, криминогенный потенциал которой детерминирован инфраструктурными свойствами (анонимность, сквозное шифрование, массовость, минимальный уровень модерации) и реализуется через четыре функции: координационного центра (планирование преступной деятельности и управление ею), медиаинкубатора (оправдание девиаций, романтизация криминала, дезинформация), криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами и услугами), средства совершения преступлений (инструментарий для противоправных действий).

6. Треш-стриминг и деструктивный блогинг обеспечивают экономическую стимуляцию воспроизводства общественно опасных практик, прежде всего, путем воздействия на лиц, склонных к потреблению криминального контента. Криминогенность девиантных практик обусловлена моделью прямой монетизации девиаций и эскалационным характером соответствующей деятельности: от индивидуального насилия и эксплуатации уязвимых лиц (в частности, инвалидов, малолетних, престарелых) до посягательства на фундаментальные социальные институты и государственные символы.

7. Предупреждение криминогенного воздействия новых медиа требует комплексной стратегии, одновременно воздействующей на спрос и предложение деструктивного контента, а также совершенствование деятельности современных средств массовой информации. На общесоциальном уровне ключевым направлением является

формирование цифрового иммунитета аудитории: интеграция в курс «Основы безопасности и защиты Родины» тематического блока о природе деструктивного контента и встречное алгоритмическое продвижение просветительских материалов. На специально-криминологическом уровне в отношении журналистов и блогеров основным механизмом выступает саморегулирование: актуализация медиаэтического стандарта (запрет манифестов, сцен насилия, героизации преступников) и введение репутационной ответственности для блогеров через добровольную сертификацию. Системообразующей мерой является подрыв экономической рентабельности криминогенных бизнес-моделей: публичный реестр стримеров-нарушителей, блокировка донатов в их пользу и идентификация получателей крупных пожертвований.

8. Совершенствование уголовно-правового противодействия криминогенному воздействию новых медиа должно осуществляться по следующим взаимосвязанным направлениям: а) криминализация треш-стриминга, сопряженного с извлечением дохода; б) введение уголовной ответственности с административной преюдицией за публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе распространение его манифеста, изображений, видеофрагментов, создающих привлекательный образ такого лица; в) введение уголовной ответственности с административной преюдицией за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, дезорганизующей нормальную деятельность организаций и (или) органов власти.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии частной криминологической теории – криминологии средств массовой информации. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований криминогенного потенциала цифровых платформ и механизмов противодействия девиантному поведению в интернет-пространстве. Сформулированные в работе определения «новые медиа» и «криминогенное воздействие новых медиа», а также предложенная классификация его видов, механизмов и моделей криминальных сред платформенного типа уточняют содержание процессов детерминации преступности в условиях цифровой трансформации. Цифровизация общественных отношений создает новые риски в медиасреде, что актуализирует прогнозирование и предупреждение криминогенного воздействия средств массовой информации. Материалы исследования создают теоретическую основу для разработки концепций противодействия оправдания насилия и экономической стимуляции преступных деяний в сети Интернет.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в правотворческой деятельности (при совершенствовании уголовного законодательства в части противодействия треш-стримингу, героизации преступников и распространению дезинформации), в деятельности правоохранительных и судебных органов (при квалификации преступлений, совершаемых с использованием новых медиа), в деятельности образовательных организаций (при преподавании дисциплин «Криминология» и «Уголовное право»), подготовке учебных и учебно-методических материалов.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обусловлена реализацией научной методологии, комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания, использованием трудов ведущих отечественных ученых, создавших теоретическую базу осуществления уголовно-правовых и криминологических исследований. Достоверность полученных результатов обеспечивается правовой основой диссертационного исследования, включающей российское и зарубежное законодательство, эмпирической базой, а также значительным объемом специальной литературы по теме диссертации.

Апробация результатов диссертационного исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 17 научных работ общим объемом 5,6 п. л., из них 8 статей – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей

аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации.

Теоретические положения и выводы работы докладывались диссертантом и обсуждались на международных научно-практических конференциях, проведенных в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского (Омск, 2023–2026 гг.), научном издательстве «СибАК» (Новосибирск, 2023 г.), Кубанском государственном университете им. А. А. Хмырова (Краснодар, 2024 г.), Барнаульском юридическом институте МВД России (Барнаул, 2024 г.), Сибирском юридическом институте МВД России (Красноярск, 2025 г.), международном центре научного сотрудничества «Наука и Просвещение» (Пенза, 2025 г.), агентстве международных исследований (Стерлитамак, 2025 г.), Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского (Симферополь, 2026 г.).

Материалы диссертационного исследования внедрены в практику работы военной прокуратуры Омского гарнизона, Омского гарнизонного военного суда, в образовательный процесс юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Высшей школы права Югорского государственного университета.

Структура и объем работы обусловлены объектом, предметом, целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих восемь параграфов, заключения, списка литературы и пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, его методология, теоретическая и правовая основы, эмпирическая база, научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, обозначается теоретическая и практическая значимость исследования, излагаются данные о структуре и объеме диссертации.

Первая глава «Понятие, функции и криминологические особенности средств массовой информации» состоит из двух параграфов и носит теоретико-методологический характер. Автор определяет понятийно-категориальный аппарат исследования и обосновывает теоретические основы изучения криминогенного потенциала новых СМИ (медиа).

В первом параграфе *«Понятие, функции и типология средств массовой информации»* на основе анализа российского законодательства и научных подходов раскрывается эволюция понимания средств массовой информации от традиционных (печать, радио, телевидение) до новых медиа (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, стриминговые платформы).

Автором показано, что в условиях цифровой трансформации традиционные функции СМИ (коммуникативная, организаторская, идеологическая, культурно-образовательная, рекреативная) претерпевают качественную модификацию: коммуникация из однонаправленной превращается в диалоговую и сетевую; организаторская функция переходит от редакций к алгоритмам платформ; рекреативная функция приобретает интерактивный характер.

Предложена авторская типология новых медиа, учитывающая канал распространения, тип контента, тип автора, характер таргетирования аудитории. Именно новые медиа, обладающие свойствами интерактивности, виральности и алгоритмизации, выступают центральным объектом дальнейшего анализа криминогенных механизмов.

Во втором параграфе *«Криминологические исследования средств массовой информации»* проанализирована эволюция научных представлений о взаимосвязи медиасреды и преступности. Рассмотрены концептуальные подходы отечественных ученых и зарубежных исследователей.

Сформулировано определение криминологии средств массовой информации как специальной отрасли криминологического знания, изучающей природу, закономерности, формы и последствия взаимосвязи средств массовой информации и преступности.

Выделены четыре ключевых направления криминологического исследования СМИ: 1) СМИ в системе причин и условий преступности; 2) влияние СМИ на личность преступника; 3) СМИ как инструмент совершения преступлений; 4) СМИ как инструмент борьбы с преступностью.

Проанализированы основные криминогенные механизмы медиавоздействия: культивация искаженной картины мира, нормализация и романтизация девиантного поведения, эффект подражания (синдром копированных преступлений), эффект Вертера (подражательные самоубийства, спровоцированные медиа). Обосновано, что в условиях новых медиа классические механизмы многократно усиливаются за счет интерактивности (подкрепление девиантного поведения через донаты) и алгоритмизации («пузыри фильтров», одобрение через повторение).

Сделан вывод о закономерном сближении предметных полей криминологии СМИ и киберкриминологии, что объективно обусловлено трансформацией медиа в интерактивные, алгоритмически управляемые платформы.

Вторая глава «Криминогенность новых медиа» состоит из четырех параграфов и представляет собой эмпирико-аналитическую часть исследования, в которой автор

раскрывает природу, виды, механизмы криминогенного воздействия новых медиа на конкретных примерах.

В первом параграфе *«Понятие, особенности и виды криминогенного воздействия новых медиа»* криминогенное воздействие новых медиа определяется как обусловленное их технологическими свойствами распространение информации, которое создает условия для формирования мотивации к совершению преступлений, облегчения их совершения и усвоения криминальной субкультуры.

Выявлены особенности криминогенного воздействия новых медиа: массовость, латентность и алгоритмичность. По данным проведенного анкетирования (n = 217), 89,3% респондентов используют социальные сети как основной источник информации. При этом 42,5% опрошенных не подтвердили, что акцентирование жестокости формирует порочную идеологию и рост преступности.

По доминирующему фактору реализации криминогенное воздействие классифицировано на три вида: ценностно-нормативное (подрыв легитимных норм, героизация криминала, дискредитация институтов власти); поведенческо-имитационное (стимулирование противоправных действий через подражание, одобрение насилия, информирование о способах совершения преступлений); информационно-манипулятивное (дезинформация, фальсификация фактов, создание атмосферы страха и социальной вражды).

На основе качественного и количественного контент-анализа 3397 публикаций региональных интернет-СМИ г. Омска выявлены три модели освещения криминальной повестки: модель эмоционального вовлечения, фактологическая модель, минималистская модель. Показано, что криминогенный эффект достигается не только через прямое эмоциональное воздействие на потребителей контента, но и через систематическое нейтральное воспроизводство криминальных событий как рутины, а также через ретроспективное представление преступлений как завершенных фактов без социальной рефлексии. Общей чертой всех моделей является отсутствие экспертно-аналитического контекста.

Во втором параграфе *«Криминогенные механизмы новых медиа»* на основе синтеза классических теорий (социальное научение А. Бандуры, культивация Д. Гербнера) и современных исследований алгоритмического продвижения контента раскрыты ключевые механизмы криминогенного воздействия.

Пропаганда как механизм системного закрепления девиантных установок проявляется в распространении криминальных ценностей и в романтизации криминала – комплексном механизме, интегрирующем пропаганду, дезинформацию и манипуляцию.

Дезинформация как механизм прямого провокационного воздействия реализуется через инициирование массовых беспорядков, провокацию социальной дезориентации, дискредитацию институтов власти, а также как средство совершения преступлений (например, с использованием голосовых дипфейков).

Манипуляция как механизм скрытого управления поведением аудитории реализуется через методы суггестии (на примере деятельности Аяза Шабутдинова), эмоционального воздействия через рекреативный контент (на примере треш-стриминга Андрея Бурима), дискредитации через создание лжесобытий (на примере деятельности Telegram-канала «Сканер»).

Романтизация реализуется через героизацию образа преступника, эстетизацию криминальной атрибутики и системную подмену ценностей.

В третьем параграфе *«Криминогенный потенциал новых медиа на примере платформы Telegram»* проанализирована социальная сеть Telegram как криминогенная среда. Выявлены структурные особенности, детерминирующие криминогенный потенциал: гибридная модель коммуникации (сочетание публичного вещания и приватной координации); технологический инструментарий (боты для фишинга, сквозное шифрование); режим анонимности и минимального контроля.

Выделены четыре ключевые функции платформы в системе криминальной деятельности:

1. Функция координационного центра преступности (на примере Telegram-каналов «Что делать?» и «NEXTA»).
2. Функция медиаинкубатора деструктивных субкультур (нормализация общественно опасного поведения, массированная дезинформация).
3. Функция криминального маркетплейса (торговля запрещенными товарами, вымогательство через компромат, рынок криминальных услуг).
4. Функция средства совершения преступлений (организация мошеннических схем, координация лиц, осуществляющих сбыт наркотических средств, создание дипфейков с помощью искусственного интеллекта).

На основе контент-анализа крупнейших русскоязычных Telegram-каналов установлено, что удельный вес криминального контента достигает 35%, что свидетельствует о криминогенности платформы. Качественный анализ освещения нападения на школу в г. Одинцово зафиксировал реализацию полного криминогенного цикла: вирализацию манифеста преступника «Мой Гнев», публикацию шок-контента, отправку платных подарков (донатов) преступнику с комментариями «Легенда», «Бог», конструирование спекулятивных межнациональных и социальных нарративов.

Сделан вывод о том, что Telegram трансформировался из средства коммуникации в полноценную криминальную экосистему платформенного типа, обеспечивающую полный цикл противоправной деятельности – от идеологической инкубации до координации и монетизации общественно опасного поведения.

В четвертом параграфе *«Треш-стриминг и деструктивный блогинг»* проведен сравнительный анализ криминогенных бизнес-моделей в сфере создания контента. На основе анализа деятельности треш-стримеров выявлена трехзвенная система криминогенного воздействия: платформа (обеспечивает возможность и монетизацию) – стример (создает общественно опасный контент) – участвующая аудитория (стимулируют донатами эскалацию насилия).

Треш-стриминг определен как системная антисоциальная практика, построенная на прямой монетизации общественно опасного поведения через донаты, интерактивном механизме, трансформирующем аудиторию в участника и заказчика, и стратегии постоянной эскалации жестокости для удержания внимания. Отмечается эскалационный характер криминальной деятельности: от насилия над уязвимыми лицами (в частности, инвалидами, малолетними, престарелыми) и их эксплуатации до посягательства на фундаментальные социальные институты и государственные символы.

Деструктивный блогинг проанализирован как идеологический инкубатор, дополняющий треш-стриминг. Выявлены две модели деструктивного блогинга: модель саморазрушения (интровертированная) и модель правового нигилизма (экстравертированная). Показано, что деструктивный блогинг выполняет функцию закрепления девиантных ценностных установок, одобрения патологии и романтизации образа «успешного преступника».

Третья глава «Предупреждение криминогенного воздействия средств массовой информации» состоит из двух параграфов, посвященных разработке системы мер противодействия выявленным криминогенным угрозам.

В первом параграфе *«Общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения криминогенного воздействия новых медиа»* сформулирован вывод о необходимости комплексной, проактивной стратегии предупреждения, одновременно воздействующей на спрос и предложение деструктивного контента, а также совершенствование деятельности современных средств массовой информации.

На общесоциальном уровне ключевым направлением является формирование «цифрового иммунитета» аудитории. Предлагается дополнить содержание модуля № 10 «Безопасность в информационном пространстве» курса «Основы безопасности и защиты

Родины» (ОБЗР) практико-ориентированными темами, раскрывающими экономическую природу деструктивного контента (монетизацию насилия через донаты), техники вербовки в деструктивные сообщества и оценку потребительского поведения аудитории. Дополнительной мерой является встречное алгоритмическое продвижение просветительского контента, адресно доставляемого с помощью инструментов микротаргетинга пользователям, уже проявившим интерес к деструктивным материалам.

На специально-криминологическом уровне предлагается дифференцированный подход к субъектам медиапроизводства:

– для журналистов – развитие института саморегулирования через принятие обновленного медиаэтического стандарта, включающего прямые запреты на публикацию манифестов преступников, сцен насилия, героизацию преступников, а также обязанность смещать фокус публикаций с личности преступника на жертв;

– для блогеров – введение механизмов репутационной ответственности и заключение договора о добросовестных практиках с ведением публичного реестра и исключения за систематические нарушения;

– для стримеров – предлагается создать публичный реестр лиц, привлеченных к административной ответственности за треш-стриминг, с возложением на платформы и платежные сервисы обязанности блокировать донаты в пользу включенных в реестр лиц, а также введение упрощенной идентификации получателей крупных пожертвований.

Дополнительным направлением профилактики выступает общественный контроль через деятельность кибердружин, для эффективности которых предлагается создать межведомственные группы для координации их работы и взаимодействия с правоохранительными органами.

Во втором параграфе *«Совершенствование уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия новых медиа»* на основе анализа действующего уголовного закона разработаны и научно обоснованы предложения по введению новых составов преступлений.

Аргументирована необходимость введения ст. 213^1 УК РФ «Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях, сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные с целью извлечения дохода» (треш-стриминг).

«**Статья 213^1. Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода**

1. Организация либо проведение публичной интерактивной трансляции в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), сопряженной с демонстрацией жестокости, насилия, унижения человеческого достоинства, совершенные в целях извлечения дохода, –

наказываются…

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении несовершеннолетнего или с вовлечением несовершеннолетнего в такую трансляцию;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с использованием своего служебного положения, –

наказываются…

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, –

наказываются…

Примечание. Под доходом в настоящей статье понимаются денежные средства, иное имущество или имущественные права, полученные лицом в связи с организацией или проведением трансляции, включая добровольные пожертвования (донаты), платные подписки, рекламные поступления и иные формы материальной выгоды».

Обоснована необходимость введения ст. 213^2 УК РФ «Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях материалов, содержащих оправдание или героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление» с механизмом административной преюдиции.

«**Статья 213^2. Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление**

1. Публичное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») материалов, содержащих оправдание и (или) героизацию лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, в том числе его манифеста, а равно изображений, видеофрагментов или иных сообщений, создающих привлекательный образ такого лица, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, –

наказывается… .

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с использованием служебного положения;

в) в целях извлечения дохода (в том числе в виде добровольных пожертвований, платных подписок, рекламных поступлений), –

наказывается… .

Примечания. 1. Под героизацией в настоящей статье понимается умышленное публичное представление лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, либо его действий в положительном, привлекательном, достойном подражания свете, создающее образ, оправдывающий или романтизирующий насилие. Не является героизацией нейтральное или критическое освещение в научных, образовательных или профессиональных целях при отсутствии одобрительного контекста.

2. Под манифестом в настоящей статье понимаются текст, видео- или аудиоматериал, содержащий идеологическое, политическое или иное обоснование совершенного преступления, призывы к насилию либо детальное описание способа его совершения».

Обоснована необходимость введения ст. 207^4 УК РФ «Распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций и (или) органов власти» с механизмом административной преюдиции.

«**Статья 207^4. Распространение заведомо ложной информации, дезорганизующей деятельность организаций и (или) органов власти**

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, дезорганизующей нормальную деятельность организаций и (или) органов власти, совершенное лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, –

наказывается…

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия, –

наказывается…

Примечание. Под дезорганизацией в настоящей статье понимаются создание помех в нормальной работе организаций или существенное затруднение выполнения ими своих функций, введение в заблуждение работников или граждан, повлекшее нарушение режима работы, неисполнение обязательств или иные аналогичные последствия».

В **заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы и предложения, определены перспективы дальнейшей разработки темы. Обосновано, что криминогенный потенциал средств массовой информации в цифровую эпоху приобрел качественно новую, системную природу, детерминированную технологическими и экономическими основами новых медиа. Противодействие требует стратегического, комплексного подхода, направленного на нейтрализацию самой инфраструктуры воспроизводства угроз и формирование устойчивого цифрового иммунитета.

В **приложениях** к диссертации представлены эмпирические материалы, обеспечивающие обоснованность и достоверность полученных выводов.

Приложение 1 содержит анкету социологического опроса и результаты анкетирования 217 респондентов, выявившие структуру медиапотребления, уровень доверия к новым медиа, оценку влияния криминальной субкультуры и распространенность имитационных правонарушений.

Приложение 2 включает результаты количественного и качественного контент-анализа 3397 публикаций региональных интернет-СМИ г. Омска (ноябрь 2025 г.), на основе которых выделены три модели освещения криминальной повестки.

Приложение 3 содержит данные контент-анализа криминальной тематики в крупнейших русскоязычных Telegram-каналах «Топор Live», «Топор +», «BAZA» за ноябрь 2025 г.

Приложение 4 представляет результаты качественного контент-анализа освещения резонансного преступления (нападение на школу в г. Одинцово (декабрь 2025 г.)) в семи Telegram-каналах (78 публикаций).

Приложение 5 содержит сводную таблицу системных паттернов криминогенной деятельности в треш-стриминге на основе сравнительного анализа деятельности семи треш-стримеров.

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в следующих научных трудах автора:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Шпак, А. А.* Криминальный сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте»: криминологический анализ / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и практика. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 76–82. (0,5 п. л.)
2. *Шпак, А. А.* Криминальная субкультура в молодежной среде / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Власть Закона. – 2024. – № 1. – С. 325–331. (0,4 п. л.)
3. *Шпак, А. А.* К вопросу о противодействии информационному терроризму (на примере мессенджера Telegram) / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 88–92. (0,4 п. л.)
4. *Шпак, А. А.* Современные угрозы информационной безопасности / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2024. – № 1. – С. 106–108. (0,3 п. л.)
5. *Шпак, А. А.* Особенности криминогенного воздействия СМИ и меры его профилактики / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2025. – № 2. – С. 118–122. (0,4 п. л.)
6. *Шпак, А. А.* Криминогенность СМИ на примере публикаций об актах скулшутинга / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 97–106. (0,5 п. л.)
7. *Шпак, А. А.* Криминогенный потенциал средств массовой информации: манипуляция, дезинформация и пропаганда / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского университета. – 2025. – Т. 21, № 4. – С. 40–44. (0,4 п. л.)
8. *Шпак, А. А.* Криминологическая характеристика соучаствующей аудитории треш-стримов: мотивы, формы участия и пределы уголовно-правовой оценки / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Вестник Югорского университета. – 2026. – Т. 22, № 2. – С. 49–53. (0,4 п. л.)

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

9. *Шпак, А. А.* Теории субкультуры в зарубежной социологии / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2023. – С. 259–263. (0,3 п. л.)
10. *Шпак, А. А.* Об экстремизме в системе Интернет / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник статей по материалам LXXVI международной научно-практической конференции. – Новосибирск : ООО «Сибирская академическая книга», 2023. – С. 138–142. (0,2 п. л.)
11. *Шпак, А. А.* О криминогенных последствиях от воздействия средств массовой информации на общественное сознание граждан / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности : материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – С. 334–339. (0,3 п. л.)

12. *Шпак, А. А.* Особенности коммуникативных стратегий современных информационных войн / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – С. 190–192. (0,2 п. л.)

13. *Шпак, А. А.* Публикации о скулшутингах в средствах массовой информации как криминогенный фактор / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXVIII международной научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 2. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2025. – С. 30–32. (0,2 п. л.)

14. *Шпак, А. А.* К вопросу о влиянии криминальной субкультуры на молодежь / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2025. – С. 224–229. (0,3 п. л.)

15. *Шпак, А. А.* Совершенствование норм уголовного законодательства в целях предупреждения криминогенного воздействия СМИ / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Молодые ученые России : сборник статей XXIV Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2025. – С. 219–221. (0,2 п. л.)

16. *Шпак, А. А.* Криминологический анализ треш-стриминга как новой формы криминогенного воздействия в медиасреде / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Инновационные практики в междисциплинарных исследованиях : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак : АМИ, 2025. – С. 164–167. (0,3 п. л.)

17. *Шпак, А. А.* Криминогенное влияние социальных сетей: механизмы и пути противодействия / А. А. Шпак. – Текст : непосредственный // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Международной научной конференции. – Омск : Изд-во Омского государственного университета, 2026. – С. 258–262. (0,3 п. л.)